

Этнографические исследования

Крепостное право было уничтожено в 1861 году; вместе с его уничтожением исчезла потребность в соболезнованиях по поводу причиняемого им зла. Доказывать, что крестьяне — человеческие существа, доступные всем человеческим чувствам, оказывалось теперь уже лишним. Новые и гораздо более глубокие задачи, касавшиеся жизни и идеалов русского народа, возникали теперь перед каждым мыслящим русским. Пред исследователями была почти пятидесяти миллионная масса народа, которая в образе своей жизни, в верованиях, в способе мышления и идеалах совершенно расходилась с образованными классами и которая в то же самое время была настолько неизвестна будущим вождям прогресса, как если бы эти миллионы говорили совершенно различным языком и принадлежали к иной расе.

Наши лучшие люди чувствовали, что все будущее развитие России пришло бы в застой, если бы продолжалось подобное незнание своего собственного народа, и литература сделала все возможное, чтобы ответить на те великие вопросы, которые осаждали мыслящего человека на каждом шагу его общественной и политической деятельности. В двадцатилетие — с 1858 по 1878 год — началось в России этнографическое исследование страны по такой широкой программе и в таких размерах, каких мы не встречаем нигде ни в Западной Европе, ни в Америке. Памятники древнего народного творчества; обычное право различных частей и национальностей империи; религиозные верования и формы богопоклонения, а также еще более социальные стремления, характеризующие многие русские религиозные секты; чрезвычайно интересные обычаи различных частей империи; экономическое положение крестьян; их домашние ремесла, колоссальные артельные рыбные ловли в юго-восточной России; тысячи разнообразных форм народных артелей; «внутренняя колонизация» России, которую можно сравнивать с таковой же лишь в Соединенных Штатах; эволюция идей земельной собственности, — все эти вопросы сделались предметом самых настойчивых изысканий.

Большая этнографическая экспедиция, организованная великим князем Константином, в которой приняло участие значительное количество наших лучших писателей, была лишь предшественницей многих экспедиций — крупных и мелких, — которые были организованы многочисленными русскими учеными обществами для детального изучения этнографии, народных преданий и обычаев и экономической жизни России. Находились люди, подобные Якушкину (1820-1872), который посвятил всю свою жизнь на странствования пешком из деревни в деревню, одетый как беднейший крестьянин и, подобно птице небесной, не помышлявший о завтрашнем дне; вымоченное под дождем платье высушивало солнце на его плечах, жил он где приходилось, деля с крестьянами их скудную жизнь в их бедных жилищах, записывая народные песни и собирая этнографические материалы первостепенной важности.

В России выработался даже особый тип интеллигентов — собиратели песен и прочего этнографического материала вроде Якушкина, а в более позднее время к нему прибавился еще новый тип «земских статистиков», которые в течение последних двадцати пяти лет за самую незначительную плату выполняли для земств сложную статистическую работу путем подворных опросов (А. Эртель прекрасно обрисовал этих статистиков в одной из своих повестей «Смена»).

Достаточно сказать, что, согласно указаниям А.Н. Пыпина (род. 1833), автора подробной «Истории русской этнографии» (4 тома), не меньше чем 4000 больших работ и крупных журнальных статей появилось в течение двадцати лет (с 1858 по 1878 г.), причем половина из них была посвящена экономическому положению крестьян, а другая половина — этнографии в широком смысле этого слова; при этом нужно прибавить, что исследования в этом направлении продолжались и продолжают в тех же размерах. Лучшей чертой этого движения явилось то обстоятельство, что результаты исследований не были погребены в малодоступных публике официальных изданиях. Некоторые из этих исследований, как, например, «Год на севере», «Сибирь и каторга», «Бродячая Русь» Максимова; «Сказки» Афанасьева; «Уральские казаки» Железнова, и многие очерки Мордовцева были так хорошо написаны, что пользовались таким же успехом у читающей публики, как лучшие романы. Случалось даже и обратное: т. е. некоторые беллетристические произведения, как, например, «В лесах» и «На горах» Мельникова (Печерского), давали в форме романа, в сущности, очень интересные этнографические отчеты, излагались в живых журнальных статьях, которые читались и обсуждались с большим воодушевлением. Кроме того, детальные исследования, относящиеся к различным классам населения, местностям